

Особенно многочисленны в рукописях недописи в двусоставных буквах «ы» и «оу». Приведу примеры из Ипатьевского списка Ипатьевской летописи: «Вячеславо[у] в помочь», «доко[у]чивахуть», «реко[у]че», «идоша стрѣлци ис товарь[i]», «выяша его ис поро[у]ба», «в ро[у]це», «мо[у]жь»¹ и др. Такого рода пропуск мог быть и в рукописи «Слова о полку Игореве» в следующем месте: «...уже бо бѣды его пасеть птицъ по до[у]бию». Вставка буквы «у» дает вполне удовлетворительное чтение.

Переосмысления

На грани бессознательного и сознательного изменения текста стоят изменения текста, вызванные невольным стремлением писца осмыслить непонятные для него места. Это наиболее коварный тип ошибок и наиболее частый. Он коварен потому, что осмысление текста очень трудно обнаружить современному текстологу, склонному очень часто и самому делать именно этот род ошибок. Только сравнение разных списков позволяет заметить различия, указывающие, что в каких-то вариантах мы имеем изменения, а в других — первоначальный текст. Обычно писец стремится от трудного к легкому, от непривычного к привычному, от незнакомого к знакомому; поэтому можно считать, что первоначальным чтением будет наиболее трудное для писца, знакомое, архаическое.

Но это не всегда так. Бывают писцы, которые, напротив, стремятся к учености текста, нарочито его архаизируют и церковнославянизируют. Для того чтобы решить — какое чтение первоначальное, а какое внес последний писец, необходимо рассмотреть всю правку писца, по возможности выделить принадлежащие ему разночтения и убедиться в том, что общий характер правки позволяет приписать ему и данную правку.

Исправления писцов до чрезвычайности запутывают изучение истории текста. Дело в том, что, исправляя, писец по большей части исправляет в е р н о. На это мало обращают внимания в специальных работах по критике текста, но это действительно так. Верное же исправление испорченного места очень часто крайне затрудняет работу текстолога: текстолог предполагает, что перед ним первоначальное чтение, и оно действительно первоначальное, но «возвращенное», появившееся вторично, в результате верного исправления испорченного текста. Такое вновь возникшее первоначальное чтение крайне осложняет работу текстолога по установлению генеалогии списков. Особенно запутывается генеалогия списков, если таких «удачных» исправлений писца несколько или даже много. Грамотный и сообразительный писец становится, таким образом, врагом текстолога.

Не лучше обстоит дело и тогда, когда писец, исправляющий текст, делает это плохо. Плохое исправление текста ведет к дальнейшим его исправле-

¹ Ипатьевская летопись. — ПСРЛ, т. II, стб. 311, 313, 324, 331, 337, 406, 840.

ниям. Таким образом, ошибка ведет к исправлениям ее, а неудовлетворительные исправления, в свою очередь, плодят дальнейшие исправления и ошибки.

Вот почему, с точки зрения текстолога, переписчики, которые меньше всего думают над текстом и переписывают механически, — лучшие переписчики. Для текстолога во много раз меньше затруднений с механической опиской, чем с осмыслением текста писцом. На этот счет существует множество единодушных высказываний текстологов.

Говорят, что один ученый эллинистической эпохи на вопрос, как достать надежный текст Гомера, ответил, что следует придерживаться древних, «неисправленных» экземпляров¹.

Английский текстолог А. Кларк пишет: «В переписчике нет более благословенного качества, чем невежество, и скорее тривиально, а не парадоксально утверждать, что лучшие рукописи те, которые переписаны наиболее невежественными писцами»². П. Колломп также пишет: «Ошибки, которые плодит полуученый писец, исправляя текст, наиболее опасные ошибки»³. А. Дэн утверждает: «Хороший переписчик тот, который воспроизводит ошибки оригинала»⁴. И т. д.

«Хорошие» переписчики копировали и ошибки, и непонятные слова, и устарелые формы языка, а в пергаменных уставных и полууставных рукописях подражали даже почерку оригинала. «Дурной» переписчик тот, который не уважает переписываемого текста и исправляет его. Вот почему, если отдельные места текста в результате его переписывания сохранили бессмысленность оригинала, то это может служить одним из признаков того, что переписчик не переосмыслял текст, а писал механически. Такие списки нельзя легкомысленно исключать из привлекаемых к рассмотрению как «неисправные». Именно эти «неисправные» списки могут оказаться весьма показательными для установления истории текста. Между тем очень многие издания древних текстов, которые делались в прошлом веке и в начале настоящего, делили списки того или иного произведения на «исправные» и «неисправные», отбрасывая последние. В древнерусских рукописях мы часто встретим призывы писцов читать их рукописи «исправляючи» и даже заклятия тем, кто этого не делает. Это не значит, что читателям предлагалось вносить исправления в самую рукопись. Речь шла лишь о правильном чтении. В этом убеждает то, что в певческих рукописях в аналогичных приписках писцы предлагают «петь» их рукописи «исправляючи»: «Аще ся буду в коем месте где описал, или с другом глаголя или забытем помыслы лукавыми, и вы, господа, пойте исправляя»⁵.

¹ Фр. Бласс. Герменевтика и критика. Пер. Л. Ф. Воеводского. Одесса, 1891. С. 156.

² А. С. Clark. Recent Developments in Textual Criticism. Oxford, 1914. P. 21.

³ P. Collomp. La critique des textes. Strasbourg, 1931. P. 10–11.

⁴ А. Дэн. Les manuscrits. P. 16.

⁵ А. А. Покровский. Древнее псковско-новгородское письменное наследие. С. 369.

Напротив, древнерусские рукописи очень часто заключают в себе призывы к будущим переписчикам ничего не исправлять рукописях, переписывать все, не внося в текст никаких именовений. Впрочем, в древнерусских рукописях нередки указания и на то, что текст их правился переписчиками, но под правкой текста в Древней Руси разумелось по большей части не исправление его по смыслу, а по другим рукописям. К этому вопросу мы еще вернемся в дальнейшем.

Типы переосмыслений очень разнообразны. Особенно часты замены малопонятных писцу слов сходными по звучанию понятными: *вм.* «на стогнах» (т. е. на площадях) — «на стенах»; «рыдель» (рыцарь) — «рыдатель»; «зърно горюшно» (или «горушно» — горчичное) — «зърно горошно»; «иконому» — «и ко оному» и т. д. В «Повести о Басарге» в основных ее списках говорится «и бысть голка (шум, мятеж. — *Д. Л.*) велика». В одном же из списков это место переделано так: «бысть же во дворце голкъ (горшок. — *Д. Л.*) великий»¹.

Нередко писец принимал малознакомые ему старые или церковнославянские слова за неправильно написанные новые. Так, вместо «слы» (послы) он ставил «слуги», вместо «ипаты и тироны» — «тироны и попы», а дальше даже добавлял для полноты — «и дияконы». Иногда писцы в порядке осмысления непонятого слова прибегали к «народной этимологии», например *вм.* «невегласы» — «невсѣгласы»².

На переосмысление текста и замену непонятого слова другим может навести случайное соседство со словом, сочетание с которым может оказаться более привычным. Так, в одном Евангелии XV в. вместо текста: «Аще просит яйца, еда подасть ему скорпию» (т. е. скорпиона, Лук. II, 12). написано: «Аще просит яйца, еда подасть ему скорьлупию»³.

Еще более разительный пример находим в Ипатьевской летописи. Здесь в основном Ипатьевском списке под 1190 г. читаем: «...и хотеша пустити на вороп (набег. — *Д. Л.*) по зѣмле и яша язык во Воротцах»⁴. Однако более правильное чтение находим в Ермолаевском списке. Там сказано: «во воропцех», т. е. в набегах. Составитель Ипатьевского списка не понял этого слова и превратил его в географическое название.

Очень часто непонятое слово последующими переписчиками превращается в имя собственное. Такое имя собственное иногда надолго остается не разгаданным исследователями. Так, например, в «Повести временных лет» под 1015 г. рассказывается о восстании новгородцев против варягов: «Вставше новгородци, избиша варягы во дворе Поромони». Кто такой был

¹ Из рукописных материалов В. Н. Перетца.

² В. Мансикка. Житие Александра Невского. Разбор редакций и текст. СПб., 1913, тексты. С. 7.

³ Архим. Амфилохий. Четвероевангелие Галичское 1144 года. СПб., 1885, II. С. 264. Из рукописных материалов В. Н. Перетца.

⁴ Ипатьевская летопись. — ПСРЛ. Т. II. С. 672.

этот «Поромон», во дворе которого были избиты варяги, оставалось совершенно загадочным, так как ни перед этим, ни в последующем тексте этот «Поромон» и его двор не упоминались. Не сомневались тем не менее в существовании этого «двора Поромони» ни А. А. Шахматов, ни кто-либо из других исследователей летописи. Это название «двор Поромонь» вызвало оживленную дискуссию в скандинавской славистике. Было предложено два толкования. Первое толкование предполагает, что это *farmanpa gardr* — торговый двор. Скандинавское *farmanr* в русском языке было фонетически правильно передано как «поромон». Другое толкование связывает «двор Поромонь» с греческим *παράροναί*, означающим «вахта», «лейбвахта»¹. Скандинавские ученые предполагают, что так назывались помещения для наемных скандинавских воинов при дворце Ярослава в Новгороде². Как бы ни решать этот вопрос, важно, что первоначальное слово в данном случае не имя собственное.

В «Послании новгородского архиепископа Василия о рае» в некоторых списках вместо слов «Деисус написан лазóрем чудным» стоит «Деисус написан Лазарем чудным». Если бы мы знали окружение писца, его интересы, круг ассоциаций, то, может быть, нашли бы и того Лазаря, который спровоцировал появление этой ошибки.

Особенно часто некоторые нарицательные названия превращаются в имена собственные в произведениях переводных. Ср., например, в переводе книги Иисуса Навина: «...не дадыху снити имъ на землю К о л л а ф а», в греческом же тексте — *εἰς τὴν κοιλίᾳ* (т. е. в долины)³.

Так как текстологи очень часто недалеко отстоят по своим приемам интерпретации текста от древних писцов, повторяя их ошибки осмысления, то такое же превращение непонятных слов в имена собственные нередко находим и в изданиях XIX и XX вв. Ср., например, в первом издании «Слова о полку Игореве»: «О русская земля! уже за Шеломянемъ еси» («шеломя» принято за название села); «то была бы Чага по нагатъ, а Кощей не резанъ» (тюркские слова «чага» — «ребенок» и «кощей» — «раб» приняты за имена половецких ханов); «дорискаше до Куръ» («до куръ», т. е. «до петухов», принято за определение места, до которого «дорыскивал» Всеслав Полоцкий) и др.

Любопытный пример переосмысления непонятного текста представляют нам списки Есиповской сибирской летописи. В списке Сычева мы читаем следующий текст, содержащий классические реминисценции: «Они же окаяннии яростию претяще им и гордяся паче кинтавръ яко Антей». В некото-

¹ Софоклес в своем словаре (*E. A. Sophocles. Greek Lexicon of the Roman and Byzantine periods, vol. II. New York, 1957. P. 847*) указывает в языке Константина Багрянородного множественное число *αἱ παράροναί* со значением «body-guard», особенно «the imperial body-guard».

² *Ad. Stender-Petersen. Varangica. Aarhus, 1953. S. 118–119.*

³ *В. Лебедев. Славянский перевод книги Иисуса Навина... С. 123–124. Из рукописных материалов В. Н. Перетца.*

рых списках это непонятное для писцов «Антей» превратилось в бессмысленное «Анпей», «Анне» и т. д. Но один из писцов был начитан и, вспомнив «Повесть об Акире Премудром», написал: «И гордыше паки доиграв яко Акир»¹.

Не менее часто встречается и обратный тип осмысления: имя собственное превращается писцом в нарицательное. Например, в книге Иисуса Навина читается: «...сикущи вся иже и з г н а я», выделенное разрядкой явилось из «изъ Гая» (греческое ἐν τῇ Γαί). «Текстолог»-писец, решив, что перед ним пропуск буквы, исправил это место вставкой буквы².

На осмысление писцами собственных имен и превращение их в нарицательное имело влияние сходство этих имен или целого сочетания букв при слитном написании слов с тем или иным нарицательным названием, если, конечно, такого рода замена допускалась или даже облегчалась контекстом. Сходство, провоцировавшее такие осмысления, могло быть и зрительным, и слуховым.

Пример «слухового осмысления» дает одна рукопись XVIII в. (культура и осведомленность переписчиков в XVIII в. была в общем более низкой, чем в Древней Руси), где вместо «летописец Зонара» читаем «летописец звонарь»³.

Подобного рода ошибки часто делали древние переписчики, если они были из другой местности, не знали географии и истории страны, о которой идет речь в памятнике. Так, например, с е р б с к и й переписчик Пролога в житии р у с с к о г о святого Мстислава написал, что Мстислав поставил церковь «новааго ради» вместо «в Новаграде».

Любопытное переосмысление прозвища московского князя Михаила Александровича Хоробрита встречаем мы в Новороссийском списке Новгородской четвертой летописи. Там под 1274 г. вместо слов «и по едином лете прогна Андрей Хоробрита» читаем «и по едином лете и прогна Андрей хоробри татарове»⁴.

Переосмысление может быть в равной степени вызвано как тем, что писец не узнал незнакомое ему собственное имя или географическое название, так и тем, что он его «узнал» в незнакомом ему слове. Так, в Проложной редакции конца XVIII в. жития Александра Невского вместо слов «к Кановичем» сказано «на реку Каму»⁵.

Одним из самых серьезных оснований для изменения текста древнерусскими книжниками служило изменение действительности, делавшее непонятным старый текст. Такие изменения особенно влияли на изменения тек-

¹ Сибирские летописи. Издание Археологической комиссии. СПб., 1907. С. 191.

² В. Лебедев. Славянский перевод книги Иисуса Навина... С. 183. Из рукописных материалов В. Н. Перетца.

³ Из рукописных материалов В. Н. Перетца.

⁴ Новгородская четвертая летопись, вып. 1. — ПСРЛ, т. IV, ч. 1. Пг., 1915. С. 229.

⁵ В. Мансикка. Житие Александра Невского. С. 172.

ста, когда они касались мало учитываемых сознанием книжников явлений: изменений названий бытовых предметов, техники ремесла, географических понятий, военной тактики и т. д., и т. п. Приведу пример. Под 1224 г в Синодальном списке XIII в. Новгородской первой летописи читаем о том, что Мстислав Киевский в битве на Калке стал на горе над рекою Калкою «и ту у г о ш и город около себе в к о л е х, и бися с ними из города того по 3 дни»¹. С изменением тактики русского войска (устройство боевого городка из телег; коло — телега) это место оказалось непонятным, и последующие писцы XV и XVI вв. пишут вместо «в колех» — «в кольих» или «в кольех», т. е. говорят о городе, обнесенном острогом (в степных условиях это было невероятно), а кстати меняют и малопонятное слово «угоши» (устроил) на «сътвори».

Иногда осмысление текста сводится к довольно верному переводу устаревшего и непонятного выражения на новое и понятное. Так, например, в Ипатьевском списке Ипатьевской летописи под 1268 г. мы читаем: «Тогда же Болеславу князю болну сушу велми, потом же Болеслав, у с т о р о б и в с я, посла посол свой». Редкое слово «усторобився» (выздоровел) писцы Погодинского и Хлебниковского списков той же летописи заменили более понятным «оздоровися»². М. Д. Приселков приводит целый ряд таких поновлений текста в своде 1212 г.: «Так, слово “ложница” (в 1175 г.) свод заменяет словом “постельница”, “прабошни черевы” — “боты” (1074 г.), “протоптаныи” — “утлыи” (1074 г.), “набдя” — “кормя” (1093 г.), “доспел” — “готов” (992 г.), “уста” — “преста” (1026 г.), “детеск” — “мал”, “детищъ” — “отроча”, “исполнить” — “исправить”, “крьнетъ” — “купить”, “ключитя” — “прилучитя”, “полк” — “вои”, “комони” — “кони”, “ратитяся” — “сразитяся”, “развращен” — “розно”, “ядь” — “снеть”, “уверни” — “възвороти”, “похоронить” — “погрести”, “двое чади” — “двое детей” и др.»³.

Иногда причиной изменения текста могли явиться церковно-канонические неясности. Так, в Ипатьевской летописи под 1147 г. рассказывается очень сложная с церковно-канонической точки зрения история поставления в митрополиты киевские Климента Смолятича в не менее сложной политической обстановке. В этом рассказе Ипатьевской летописи в основном (Ипатьевском) списке читаем: «И тако сгадавше епископи с л а в о ю святого Климента поставиша митрополитом». В списках Хлебниковском и Погодинском вместо «славою» стоит «главою». Оказывается, ошибся составитель основного списка, и ошибся ввиду неясности для него всей этой процедуры поставления. Разъяснена она в 1913 г. Пл. Соколовым в его замечательном труде «Русский архиерей из Византии и право его назначения до начала XV века». Греки ставили своего патриарха в храме Софии рукою святого Германа (частью мощей Германа). Собор русских списков поставил Климента Смолятича

¹ Новгородская летопись по Синодальному харатейному списку. СПб., 1888. С. 218.

² ПСРЛ, т. II, стб. 864.

³ М. Д. Приселков. История русского летописания XI—XV вв. Л., 1940. С. 86.

по этому греческому образцу находившиеся в Киеве головою Климента Римского¹. Писец Ипатьевского списка Ипатьевской летописи не был осведомлен в возможности такого обычая и изменил «главою» на тоже непонятное, но более нейтральное «славою».

Сказывается в писце и монашеская скромность. Вместо «аз и свершен муж, а смысла не знаю» в одном из списков «Повести о Басарге» писец написал «аз извержен муж...»².

Очень часто переписчик опускает непонятное слово, особенно если этот пропуск не мешает осмысленному чтению. Так, может быть опущено название города при слове город, имя собственное при слове, определяющем его положение или род занятий, и т. д. Так, в «Повести о Басарге» в тексте «Аз чаял, купче, единая еси со мною веры и единого бога Аполона» в одном из списков пропущено слово «Аполона»³. В последнем случае сказало, очевидно, не только желание писца сократить, но и его христианский пуризм.

Иногда писец, довольствуясь внешним сходством слова и подставляя его по сходству написания, почти не думает над смыслом. Так, например, в списке ГИМ Синодальной библиотеки № 964 «Сказания о Мамаевом побоище» читаем «шумит бо рать Дмитрия Ивановича всеа России з л о ч е с т и - в ы м и (вм. золочеными. — Д. Л.) доспехи»⁴. Еще более разительный случай полного отвлечения писца от смысла целого и чтения «по сходству» находим мы в рукописи (ГБЛ, собр. Московской духовной академии № 100) Хроники Амартола. Там говорится о праведных людях: «...темя убо сущим в в о д и л а ю щ и с Павлом глаголати...» Другие списки (более поздние) Хроники дают правильное чтение: «в лодии плавающим»⁵.

Писец, не поняв то или иное слово, подставляет иногда первое попавшееся похожее, не задумываясь над смыслом целого. Так, в тексте славянского перевода Хроники Георгия Амартола писцы не понимали слова «плючь» — легкое: «И въшед на брань и устрелен посреди препоны в п л ю ч ь». Один писец заменил предлог «в» на союз «и», а другие после этого заменили слово «плючь» на «ключь» и «плечь»⁶.

Как ни бессмысленны в целом все эти последние «исправления» писцов, все же их следует причислять к «осмыслениям» текста, поскольку новый получившийся текст в каком-то отношении удовлетворял писца больше, чем прежний.

¹ Пл. Соколов. Русский архиерей из Византии и право его назначения до начала XV века. Киев, 1913. С. 79–81.

² Из рукописных материалов В. Н. Перетца.

³ Там же.

⁴ С. Шамбинаго. Повести о Мамаевом побоище. СПб., 1906. С. 343.

⁵ В. М. Истрин. Хроника Георгия Амартола в древнем славяно-русском переводе, т. I. Пг., 1920. Из рукописных материалов В. Н. Перетца.

⁶ Там же. С. 178.